

АНДРЕЙ НО

СУБЪЕКТ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

New Sci-Fi (1С)

Андрей Но

Субъект. Часть третья

«1С-Публишинг»

2020

Но А.

Субъект. Часть третья / А. Но — «1С-Публишинг»,
2020 — (New Sci-Fi (1С))

Атмосферное давление и температура среды вокруг него неизменны. Звук рассеивается. Он устойчив к волнениям магнитосферы, да и в целом может влиять на электрические поля. Его присутствие стопорит круговорот веществ в экосистеме. До него нельзя дотронуться, его нельзя разглядеть и осознать, пока он сам этого не пожелает. Он двигает предметы, не прикасаясь к ним. Он – повелитель материи... который вынужден скрываться в Скандинавских лесах от преследующей его организации Айсберг. Но вечно прятаться не выйдет. Ведь его также преследуют и вопросы о происхождении его способностей. Способности ли это?..

Содержание

Пролог	6
Глава 32. Дом мечты	8
Глава 33. Саамка	16
Глава 34. Абсолютное оружие	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Андрей Но Субъект. Часть 3

Андрей Но © 2018

Пролог

Солнце украдкой выглянуло из-за холма, будто не желая спугивать дрему, объявляющую весь пологий склон и впадающую в него изумрудную долину. Предраассветная дымка парила над землей, заслоняя деревья, мирно журчащую речку. Она мягко затмевала обзор, придавая этому месту некую камерность, незаконченность.

Но вот солнечные лучи теряют снисхождение и вспарывают нежную дымку, отчего заиндевевшая трава наливается красками, а дерновая хижина, расположившаяся под склоном, отбрасывает приземистую тень. Дверь скрипнула, и в дверном проеме показался человек. Его рот свело заразной зевотой. Он был весь заросшим, как леший. Волосы, цвета грязной соломы, падали на лоб, из-за чего само по себе лицо казалось невнятным.

Пошатываясь, человек пересек свой цветочный сад, зашел в деревянный туалет и уперся ладонью в дощатую стенку. Звук разбрызгивающейся струи доносился из выгребной ямы где-то уже совсем близко.

– Надо было глубже рыть тогда, – с досадой подумал он, но далекое **тогда** казалось таким расплывчатым, его с трудом удавалось вспомнить. Он уже столько лет здесь. И сколько себя помнит, всегда вставал с первыми лучами солнца. Даже чуть раньше. Только непонятно для чего. Хозяйство того не требовало. Скупщики цветов в это время еще спят, а улыбочивый молочник раньше полудня его не навещает. И все же у него было такое чувство, что он может что-то проспять. Например, всю свою жизнь. И пусть она казалась монотонной, пусть он не мог отличить позавчерашний день от того, что был какую-то пару недель ранее, сны он все равно не запоминал и не любил их, и считал их неким предательством по отношению к настоящей жизни. А настоящая жизнь хороша...

С наслаждением вдохнув полной грудью, он выпустил из ноздрей пар и направился обратно в свою маленькую, но уютную хижину. Надо было одеться, поесть и можно приступать к прополке клумб. У самой двери он задержал взгляд на развилке лесной тропинки, что вела мимо его земельного участка. К слову, он всегда задерживал на ней взгляд. Над развилкой так низко нависали каштаны, что нельзя было отсюда рассмотреть, куда расходятся пути. Это место его необъяснимым образом манило. Туда, что ли, свет падал как-то по-особому. Но в тоже время эта картинка держала его здесь, где он сейчас. Он знал, что дальше, за развилкой, нет ничего такого.

Возможно, именно отсюда, с крыльца его хижины, эта таинственная развилка казалась олицетворением каких-то нереализованных идей или непонятных надежд, но только потому, что отсюда не было видно точно, что за ней кроется. В этом, стало быть, и заключалась вся ее магия. Но оттого не менее интересно было туда смотреть.

Уже было неохотно отвернувшись, ему вдруг почудилось в листьях тех каштанов движение. На развилке показалась мужская фигура, облаченная то ли в дождевик, то ли армейскую накидку. Лицо было скрыто тенью колыхающегося капюшона.

Нахмурившись, человек невольно приблизился к своей калитке, чтобы рассмотреть получше. Фигура шла неспешно, будто прогуливаясь и наслаждаясь видом окрестностей. Ее черный провал капюшона даже не повернулся в сторону хозяина участка, но тот все равно испытал странное чувство, будто он здесь как на ладони. На него сырой подушкой наваливалась тревога. Человек ощутил безотчетный дискомфорт. Он спрятал глаза и сделал вид, что осматривает дощечку своего штакетника.

Фигура невозмутимо прошла мимо, ни разу не взглянув на единственного на всю округу человека. Тот бросил искоса на нее взгляд, и ему показалось, что воздух вокруг странного незнакомца будто подрагивал. Волновался, как жар от костра в мороз. Протерев глаза, человек

пригляделся повнимательнее, но фигура уже растворялась в восходящих лучах солнца, уже нельзя было сказать что... Что... Неважно.

Одинокий садовник уже самозабвенно колупал неровность в одной из балок своего штакетника. Незнакомец у него уже выветривался из головы, впрочем, как и все остальное, что только не относилось к его размеренному укладу жизни. Солнце почти встало. Пора одеться, поесть и можно приступать к прополке клумб.

Глава 32. Дом мечты

Обогнув холм, тем самым скрывшись из виду садовника, я с раздражением отбросил капюшон назад. На неестественно бледное лицо снова упали согревающие лучи солнца. Моя внешность могла бы показаться слишком экзотичной даже для таких отшельников, как тот мужик. Не исключено, что даже бегло увидев меня однажды, он может эту маленькую историю кому-нибудь сболтнуть, просто от скуки. А этот кто-то – кому-нибудь еще... А на следующий день меня уже будут обсуждать за ужином где-нибудь в соседней коммуне. Как это бы парадоксально не звучало, но чем глуше местность, тем дальше и быстрее по ней распространяется слух. Со скоростью бегущего сигнала по миелинизированному нейрону. А именно как воспаленный нерв я воспринимал сейчас все эти скандинавские земли, что вгрызались своими скалистыми и разветвляющимися, словно дендриты, берегами в воды Северно-Ледовитого океана, в сердце которого, где-то там, в тумане вечной стужи, дрейфовал огромный технологичный остров Айсберг. Обитель опасно настроенных ученых. Именно оттуда я неделю назад сбежал. Точнее говоря, уплыл. Плыл так, что до сих пор в порах костей потрескивали льдинки. Именно там я обзавелся этими шрамами, нездоровой бледностью и худобой.

Но не по их вине. То было моим выбором, суровой платой за спасение от нечто куда более худшего, чем все эти отметины. От смерти. Более того, от смерти во имя смерти уже несметного количества других. Точнее, от предотвращения их появления на свет, что в некотором смысле было точно такой же смертью – приговором за то, чего еще эти люди не успели сотворить. И не факт что стали бы. Я спас или, быть может, лишь отсрочил вступление в силу новой идеологии, что не давала бы шанса на рождение потенциальным убийцам и психопатам, и которая бы сильно подпортила жизнь уже таким живущим.

Основоположник этой мысли, он же владелец острова и филиалов, специализирующихся на производстве нейротехнологий по всему миру, недвусмысленно видел во мне ключ к теневой реализации своей идеи. Со мной он мог бы осуществлять задуманное на краю земли, не дожидаясь одобрений свыше. Все дело было в маленьком приобретенном новообразовании в моем головном мозге. В неприметном и бугристом наросте где-то в районе моторной коры, что опосредовал мне необъяснимую кинетическую связь со всей окружающей материей, включая ту, из которой состоял я сам.

Один из ученых – мистер Оксман, кажется, – благодаря стараниям которого им удалось меня поймать, облачившись в невосприимчивые к моим способностям костюмы, допускал в записях своего дневника смелую мысль, что связь эта проще, чем могло бы показаться на первый взгляд. Впрочем, от его теории веяло чем-то страшным и по-настоящему безумным.

Не было никакой силы, рассуждал он, которая бы высвобождалась из материи или уж тем более передавалась бы ей от меня. Были лишь правила, которым подчинялось **все**. Программный код, прописанный для окружения и тех, кто его наполняет. А сам мир, стало быть, не более чем компьютерная симуляция.

И после моего серьезного падения головой на землю произошел сбой в интерактивной связи между мной и воспринимаемым миром. Мои желания и перерастающие в них действия, то есть, запросы на ожидаемые изменения в интерактивной виртуальной реальности перестали выполняться в соответствии с прописанными правилами физики, законом сохранения импульса и прочими запретами, что в обычном случае серьезно ограничивали возможности остальных пользователей, то есть, людей. По словам ученого, я стал своего рода стихийным администратором, в права которого входила возможность править и менять окружение под себя, как ему вздумается.

Но так ли это было на самом деле? Ведь подобная теория, как минимум, не объясняла свойств интропозидиума, композитного материала, что имел ко мне своеобразный иммунитет.

Он полностью нейтрализовал мои запросы. Но как бы то ни было, он все-таки тоже представлял собой материал, материю, к которой у меня, по идее, был безграничный доступ. И как только обычный, ограниченный правилами пользователь смог повлиять на материю более чем я? И почему этот сбой во мне до сих пор остался незамеченными теми, кто все это создал, смоделировал, написал? Ведь обычно, системные ошибки устраняют без следа. Но я все еще здесь. Хожу и нарушаю правила.

Да и еще этот еле заметный шлейф, замеченный мной в изоляторе. Его сейчас отбрасывало все, что только можно. Каждая травинка, камешек, в меньшей мере прозрачные облачка – и этот шлейф, словно стрелки в часах, с каждым часом медленно вращался вокруг своего источника.

К счастью, мир точно не так прост, как попытался объяснить его этот ученый. Правда лежит гораздо глубже и только у меня, воспринимающего все в подлинном свете, была возможность по-настоящему ее копнуть.

А тем временем, пока копаю, нужно было продолжать играть. По всем тем же вторичным правилам социального мирка, которые предложили уже сами люди. Их законам и убеждениям я должен был следовать, если хотел жить. Я должен был не выделяться и не вызывать подозрений, а по-хорошему вообще укрыться в глуши, чтобы не столкнуться с Айсбергом лицом к лицу снова. Преждевременно. Ведь я не хотел промышлять отшельничеством вечно и потому в моей голове уже потихоньку прорезывался пусть и весьма абстрактный, но решительный план по стиранию этой организации с лица планеты. Абстрактный, так как пока что я был донельзя слаб. И крайне напуган тем, что сделало меня таким слабым.

Разумеется, мои возможности даже сейчас простирались до невероятных масштабов. Тот садовник, которому случайно довелось меня узреть – его жизнь я мог перечеркнуть всего одним воздействием на центральную нервную систему, в случае, если бы мне показалось, что я его слишком заинтересовал.

Или, что более гуманно и предпочтительно, мог бы начисто стереть его кратковременную память так, что он бы приступил к брошенным накануне делам по второму кругу. Я мог бы внушить ему непередаваемый страх еще до моего появления в тех каштанах, я мог бы наслать на него необъяснимый ужас, что загнал бы его в самый дальний угол хижины до тех пор, пока я мимо нее не пройду.

В крайнем случае, я мог бы навязать ему мнение, даже на языке жестов, что я собственной персоной консул их глухой коммуны, а на мне строгий костюм, да и сам садовник скорее всего женщина... Это все я мог ему внушить, предварительно подавив его волю и само опирающееся на нее собственное мнение, которое внезапно стало бы пустым и абсолютно при любом раскладе в корне неверным.

Не говоря уже о том, что с помощью алиеноцепции – абсолютному чувству, обретенному мной после падения с карусели, которое проливало истинный свет на **все**, что только наполняло этот мир – я попросту мог заблаговременно обойти это место стороной. Но не стал. Если честно, мне почему-то хотелось, чтобы этот садовник меня увидел – проводил взглядом таинственного и неприветливого незнакомца, который даже не удостоит его вниманием...

И все вышперечисленное, что я мог бы с ним сделать, на самом деле было лишь крохотной областью, краешком в необъятной сфере моих возможностей, что распространялись далеко не только на баловство с нейронными сетями мне подобных. Ведь скажем, я мог летать. Я мог очень высоко прыгать и не только, ведь сократительные усилия мышц у меня дополнительно форсировались управлением материи напрямую.

Вдобавок, само по себе мое тело было укреплено волей. Части, образующие меня, имели дополнительную связь, что возрастала по мере осознания надвигающегося физического стресса. А если и был стресс неожиданным, то заживало на мне все как на саламандре.

Также я обзавелся настоящим личным пространством. Давление вокруг меня всегда было одним, температура воздуха рядом со мной стабильно не менялась. Я был устойчив к волнениям магнитосферы, да и в целом мог непосредственно влиять на электрические поля. Что самое интересное, ведь именно манипуляции с ними мне позволили вырваться из лабораторной клетки Айсберга. Притом, к их стыду, дважды. Воздухом я дышал всегда по умолчанию свежим. Наполняющие же его звуки мог бесследно рассеивать. А при должном усилии даже и инициировать.

Но самым главным, пожалуй, был мой сэволюционировавший метаболизм. С тех пор как моя нервная система дорвалась до того, что лежало за пределами тела, круговорот веществ в экосистеме вокруг меня всегда немного стопорился. Я привносил локальный дисбаланс, без разбора изымая из окружения все необходимые для жизнедеятельности аминокислоты, сахара, минералы, азотистые основания и даже, судя по прибавившемуся весу в костях, металлы, но, в большей мере, конечно же саму АТФ. Вся наша жизнь, непрерывное движение в клетках и самих клеток обеспечивалось именно благодаря этой молекуле. Грубо говоря, она была жизненной силой, которую я втягивал в себя, словно ненасытная черная дыра.

От конечных продуктов метаболизма я избавлялся тем же способом. Тот самый шлак в наших мозгах, ради утилизации которого мы время от времени спим, выветривался из моей головы ежесекундно прямо во время ходьбы, как перхоть. В связи с этим я почти не спал, так как не испытывал естественных позывов. Я шел практически без остановки уже больше недели и до сих пор не испытал никакого утомления, ведь его можно было достичь только путем накопления тех самых веществ, которые во мне ни на секунду не задерживались.

Но при всем этом я оставался физически слабым. С того раза, когда ради одного мысленного усилия потребовалось спешно переварить часть себя, моя выносливость несколько прохудилась. Я никогда не уставал, но в тоже время, казалось, что я был немощен, как старик. Не то что о спортивном прошлом заикнуться, нельзя было даже просто сказать, что мне знаком вертикальный образ жизни. Годы тренировок в далекой молодости прошли насмарку, будто их и не было. Конечно, мышцы сейчас мне были ни к чему, но не так то просто свыкнуться с мыслью, что некогда атлетическое сложение превратилось в фигуру засидевшегося дома сморчка. Это напоминало о себе каждый раз, когда болтающиеся при ходьбе тонкие запястья оказывались в поле зрения – и эта мысль, как моль, украдкой изъедала мою вышедшую из моды самооценку, требуя немедленно хоть что-то предпринять.

Но хоть что-то я уже предпринял. Например, по возможности подставлял свое лицо солнцу, в надежде, что оно станет хоть чуточку смуглее. Здесь солнце было мягким, ласковым, не замутненным смогом, как в городе, где я жил. Воздух казался тяжелее, но в хорошем смысле этого слова – богатым и насыщенным, пьянящим. Пусть я и до этого отфильтровывал вдыхаемый воздух, но фильтровать – не дополнять. Здесь и того не требовалось. Конечности уже практически не онемевали, как несколько дней тому назад. Внутренний баланс возобновлялся.

Я брел вдоль рядов плантаций ежевики, рассеяно срывал ягоды и совал их в рот. Я не был уверен, стоило ли мне вообще пользоваться устаревшей системой пищеварительного тракта, когда все необходимое итак усваивалось напрямую. Но чисто интуитивно я полагал, что именно такое вот парентеральное питание препятствует возврату былой формы. Да и вообще, такой путь начисто отрезал вкусовые впечатления. А их мне чертовски не хватало!

И ежевика на языке сейчас переливалась яркими цветами, отзываясь в прикрытых от наслаждения глазах настоящим фейерверком вкуса. Она была безумно вкусной! Остановившись напротив куста, я начал его жадно ощипывать и класть ягоды в рот одну за другой, а потом, опомнившись, сел прямо на влажную землю, а лакомство стало само срываться с веток и массово депортироваться мне на язык.

Но ягода не насыщала. Внезапно я понял, что нестерпимо хочу рыбы. Даже от сырой бы не отказался. Где-то в трех километрах отсюда на фоне твердой глеевой почвы контрастировал

шумный ручей. Набрав ежевики в провисшие карманы своей накидки, я пошел на первую в своей жизни рыбалку.

* * *

И для нее мне не потребовались ни удочка, ни наживка, ни уж тем более утомительное выжидание добычи. Спустившись к горному ручью, я почти сразу почувствовал в нем мельтешение ярких рыбок. Для их поимки требовалось только легкое усилие воли.

На солнце коротко блеснула чешуя. Я подставил ладонь, и на нее шлепнулась маленькая серебристая форель. Глядя на ее мутные маслянистые глазки и безостановочно хлюпающий рот, я на какой-то момент решил отказаться от затеи и поискать лучше еще какую-нибудь съедобную растительность. Но неожиданно я впился зубами в ее тельце, по подбородку потекли жирные соки. С остановившимся взглядом я задумчиво перемалывал зубами неподдающуюся, сырую плоть рыбы. Вкус у нее был речной, живительный. Обглодав ее до костей, я перехватил еще одну мелькнувшую в воздухе тушку, эта уже была чуть покрупнее. Усевшись на корточки, я принялся методично пожирать свою добычу. В такие моменты хотелось не думать ни о чем...

Треск кустов за спиной чуть не заставил меня подпрыгнуть. Не до конца пережеванный комок мяса с непривычки попал в дыхательные пути. Диким, заслезившимся взглядом я уставился на вышедшего к ручью огромного бурого медведя. Он семенил вбок, якобы в сторону другого берега, но крохотный, как майский жук, глаз злобно косился в мою сторону, а верхняя губа подрагивала, оголяя желтые и склизкие клыки. Из моей груди настойчиво рвался кашель. Упав на четвереньки и попытавшись сделать вдох, я понял, что задыхаюсь. Бессмысленно стукнув пару раз себя в грудь, я спохватился и вынудил застрявший кусочек выскочить самостоятельно.

Откашлявшись, я осторожно вернулся на корточки и возобновил трапезу, исподлобья косясь на зверя. Тот пару раз без интереса полакал воду, а потом внезапно взревел. Снова чуть не подскочив, я быстро напомнил себе, что могу убить его менее чем за секунду и бояться мне нечего, главное не терять контроль... не терять контроль... Слова заели в голове. Я с ужасом наблюдал, как животное засеменяло прямо ко мне...

Стараясь в каждый жест вложить невозмутимость, я медленно встал и прямо посмотрел на приближающегося медведя. Замерев в нескольких шагах, тот встал на дыбы. Он был огромен. Кажется, в полтора раза выше меня и в несколько раз шире. Под свалывшейся шерстью угадывались валуны мышц. Большая, как котел, голова казалась непрошибаемой. Один глаз отсутствовал, массивная глазница была рассечена глубокой расщелиной. Пасть раскрылась, и из нее снова послышались раскаты низкого и зловонного рыка.

Еще шаг в мою сторону, и я исполокую твои мозги так, что они вытекут из глазницы, — громко подумал я, не отводя от него выпученных глаз. Должно быть, эта решимость отразилась на моем лице. Демонстративно поведя носом куда-то в сторону леса, он рухнул на передние лапы и с явной неохотой, постоянно оборачиваясь, двинул туда.

Проводив его внимательным взглядом, я вернулся к своей недоеденной форели. Тот приблизился к толстой сосне и начал оглушительно драть ее когтями. Воздух наполнился треском и рычанием, летела кора, а единственный глаз неотрывно косился на мою застывшую спину. Истерзав буквально весь комель сосны, он что-то ворчливо проревел и, наконец, поплелся прочь, скрывшись в глубине леса.

Я облегченно выдохнул. Вот это да... Выиграть у такого чудища игру в гляделки... Такого я от себя точно не ожидал. Впрочем, между нами был барьер. И если в зоопарке он представляет собой железные прутья, то здесь уже была стальная уверенность в моих правах администратора, к которым я молниеносно бы прибегнул в случае выхода ситуации из-под контроля.

А что если бы не успел? Меня до сих пор трясло от этой мысли. Рыба потеряла вкус. Бросив объедки на камень, я пошел в сторону противоположную той, которую избрал медведь.

* * *

Брел я по ячменным полям, казалось, вечность. Вдалеке постоянно угадывалась стена деревьев как единственный ориентир. Однако сколько бы я не поднимал голову, отрывая взгляд от шелестящих в ногах колосьев, деревья все не приближались. Солнце уже ушло в зенит, а те деревья по-прежнему казались недостижимы. Один раз я даже ударился в панику, когда осматриваясь вокруг себя, забыл направление, по которому шел. Со всех сторон виднелись те же бесконечно далекие кроны, а светило зависло в центре необъятного купола неба. Но следы чуть продавленной моим шагом почвы все еще отсвечивали призрачным, прямо на глазах тающим теплом, поэтому вновь сориентироваться не составило труда.

Еще через час надоедающей ходьбы, когда я уже начал тосковать по благам цивилизованного мира, кроны деревьев, наконец, смиловались и начали укрупняться. Стали прорисовываться отдельные ветви и юркающие среди них мелкие птицы. За ними угадывалось пустынное шоссе. А дальше начинался хвойный лес. В нем было темно и влажно. Сытно пахло грибами. Сладко веяло прохладой. Где-то наверху трещали скворцы. А в неглубоком овраге выделялся параллелепипедными гранями объект. Я напряженно замер. Такой объект не вписывался своим видом в окрестности. Движения чего-то крупного в овраге я не засек.

Приблизившись к краю, я разглядел под опавшими сосновыми иглами и сухими ветками перевернутый и слегка помятый трейлер. Он был прицеплен к разбитому старенькому пикапу. Откуда он тут вообще мог взяться...

Спустившись вниз, я заглянул в треснувшее окно трейлера. В салоне никого. Опрокинутый диван, накренившиеся навесные шкафчики, осколки стекол и посуды, чугунная сковорода... Пятна крови.

Протиснувшись в узкий дверной проем, я тут же сморщился – тут стоял гнилостный запах взмокшей мебели и, кажется, хлора. Но последний я отнес к своей обонятельной галлюцинации, что преследовала меня уже давно и всегда настигала в самом непредсказуемом месте.

Обшивка в некоторых местах вздулась пузырями. На стенке и полу были следы давно засохшей крови. Но трупа здесь нет. Не было его и в овраге, да и в округе не чувствовалось даже намек на антропоморфный эскиз. Пошарив в шкафчиках, я обнаружил просроченную перекись водорода, пожелтевшие бинты, старую газету, сморщенный рулон туалетной бумаги, пеньковый канат с крюком, крупы, сахар, немного соли, соду, скудный кухонный инвентарь и пару вонючих носков. Также на полу валялась кофеварка. А в потолочном отсеке таился потрепанный магнитофон и стопка кассет. Рядом со сломанным мини-холодильником ютилась газовая печь. Полость пропанового баллона контрастировала на фоне атмосферы. Включив конфорку и услышав шипение газа, я понял, что не прогадал. В отграниченном фанерой участке салона была тесная и неработающая душевая кабинка, а рядом с ней опасно покосился переносной биотуалет. Алиеноцептивно удостоверившись, что он полон, я проводил его удаляющуюся из трейлера фигуру брезгливым взглядом. Да, все верно, я был намерен здесь остаться, так как бывшему владельцу этот фургон, по-видимому, уже был ни к чему.

Вылезши обратно в овраг, я задумался о том, куда мне тащить эту находку. И как тащить. Водить машину я не умел, да и сложно было поверить в то, что эта развалина еще когда-нибудь заведется. Придется собственноручно.

Подцепив пальцами край кузова, я с чавканьем вырвал его из объятий сырой почвы и с силой подкинул вверх. Трейлер перевернулся, посыпались стекла, внутри загрохотала мебель. Не переводя дух, я уперся руками в корпус, толкая вперед. Ноги проваливались в рыхлую землю, но я все равно довольно-таки резво отбуксировал фургон на поверхность. Кое-что

вспомнив, я вернулся и поднял капот расплющенного пикапа. Мне нужен был автомобильный генератор и аккумулятор. Кто знает, может у меня будет даже освещение, если, конечно, мне удастся разобраться с электросетью. В этом, к сожалению, силен я не был. Но хотя бы точно знал, как выглядит то, что искал.

Аккумулятора здесь было два. Первый, стартерный, на вид казался убитым. Вид второго был удовлетворительнее, но он был в целом мельче. Зато генератор мне показался мощным. Чтобы заставить индуцировать его электроэнергию нужно вращение, запускаемое работой двигателей. Двигатель я себе, конечно, позволить не могу, но ведь я сам мог бы осуществлять вращение, даже не прикасаясь.

Изъяв из капота аккумулятор поменьше, клеммы, а также инвертор из бардачка и генератор, я закинул это все в трейлер. Хотел еще прихватить радио, но передумал. Новости оставленного мира мне были малоинтересны. Да и вряд ли их вещали на знакомом языке.

Внимательно поглядывая вверх, я покатил фургон вглубь леса дальше. В моих планах было разместить его на высоте, между двумя или еще лучше тремя толстыми и надежными деревьями. А это был просторный сосновый бор, здесь гордо и одиноко возвышались темные сосны, и здесь редко где можно было наблюдать дружескую дистанцию между ними. Уже вечерело, а мне до сих пор не встретилось подобающего расположения деревьев.

От дальнейших поисков меня избавила сломавшаяся подвеска. От просевшего дна трейлера стал тянуться широкий след. Уже не катить, а тащить дальше стало невыносимей. Мысленно подхватив себя за таз и плечи, я взмыл над верхушками сосен и стал их придирчиво осматривать, выискивая мощный ствол, густую крону и самые крепкие и раскидистые ветви. Одна из них мне понравилась сразу. Не самая высокая, ее затмевали собраты с подветренной стороны, но зато с нее открывался живописный вид на восток. Каждое утро я буду просыпаться от щекочущих лучей солнца...

Опустившись на одну из веток, я испытывающе поскокал на ней. Та неохотно пружинила, ни малейшего треска не услышал. Конечно, в дальнейшем мне предстоит все это укреплять, но на первых порах должна выдержать.

Приземлившись напротив трейлера, я начал собираться с силами. Последний раз, во время стычки с захватчиками Айсберга, мне удалось протащить легковой автомобиль на несколько метров. Но здесь был целый фургон, не говоря уж про то, что его необходимо было поднять в воздух. И не просто приподнять, а аккуратно пристроить между веток.

Раскинув руки, я сосредоточенно уставился на трейлер. Тот дрогнул и мягко оторвался от земли. Мышцы не были напряжены, но нервы стянуло так, будто у меня сейчас вот-вот выступит грыжа, подкосятся колени, сдаст психика. Слишком большая фантомная конечность, которую требовалось безостановочно и всеохватывающе воспринимать и контролировать. Но то был психологический барьер и только он мне диктовал границы, которых на самом деле не было. Весь этот лес, да вся планета могла быть продолжением моего опорно-двигательного аппарата – абсолютно вся, вместе с ее пастбищами, океанами и городами, с населяющими их людьми, могла быть полостью для ветвящихся из меня фантомных нервных окончаний, по которым течет глас моей непререкаемой воли. Да я мог скукожить вокруг себя саму реальность! И скорее у противящейся мне гравитации выскочат оползневые грыжи и базальтовые горбы, чем дрогнет хоть один-единственный мускул в моем теле! Нет никакого порога! Есть лишь абсолютный контроль...

Такие нескромные мысли проносились в моей голове, тем временем как трейлер рывками поднимался к верхушке избранной сосны, а сам я тянулся следом, вовремя предупреждая столкновения с многочисленными и хлесткими ветвями. И вот, наконец, фургон был осторожно взгроможден на две могучие ветки. Для надежности я подтянул их пеньковым канатом к верхушке ствола.

Честно говоря, изначально предположенная учеными теория о фантомных нервных сплетениях, что опосредовали связь между мозгом и всей материей, нравилась мне куда больше версии о правах администратора. Она казалась ближе и понятнее. Психологически принять ее было гораздо легче хотя бы потому, что она не отрицала подлинность окружающего мира и не считала его некой цифровой пародией на самого себя. Да и что в таком случае представляет из себя настоящий? Был ли он тогда вообще? От таких вопросов становилось по-настоящему неуютно...

Куда удобнее представлять, что в куске пространства я сокращал свои невидимые мышцы. Вспомогательные же движения кистями, взмахи рукой и чуть ли не ораторские позы, которые я интуитивно принимал, отдаленно напоминали то воображаемое усилие, которое прикладывалось к объекту. Фактически, это были те же ужимки болельщика на ринге, которые никак не сказываются на технике и реакции дерущегося бойца. Но в моем случае, я будто содействовал самому себе из зрительного зала.

А это было куда проще, чем предъявлять свои права, попутно задаваясь вопросом – на что конкретно они распространялись, как широко, и имело ли вообще смысл их предъявлять вслух, да и лишний раз задумываться обо всем этом. Все эти вопросы и сомнения затормаживали процесс. А он должен быть подобен молниеносному рефлексу. Я резко выкинул ладонь вперед, и фургон тут же безоговорочно сместил свой вес на более кряжистую ветку. Повелевающе шевельнул пальцами той же руки, и он чуть накренился, сильнее прильнув к стволу. Вот как это должно происходить.

Забравшись внутрь, я принялся за уборку. Перевернул диван, но оценив масштабы сгнившего от влаги покрытия, предпочел выкинуть. Зато относительно целым был спальный матрац. За ним я одобрительно наблюдал, глядя, как тот мечется между деревьями, на полной скорости врезаясь в них, оставляя после себя облако пыли и грязи. Ленивым поворотом шеи собрал в ведро осколки и прочий мелкий хлам, который бы мне точно не пригодился.

Затем я учуял вдалеке подземные ключи. Слетав туда и мановением руки отслоив пласт почвы, я набрал в ведро и канистру от бензина ключевую воду. Найдя в трейлере тряпку и соду, я учинил влажную чистку, начав с пятен крови. Те вспенились темной и дурно пахнущей жижей. Но едва ли меня это могло смутить. После приключений в чреве кашалота брезгливость во мне могло вызвать разве что нечто совсем экстраординарное. Начисто оттерев кровь, я также устранил следы копоты и сажи вокруг печки, а следом изничтожил намечающуюся популяцию лишайника на потолке. Промыл розовые занавески, протер стекла, смел отовсюду пыль. Покопавшись в тумбочке, я отыскал потяжелевшую от сырости наволочку и простыню. Их я постирал уже непосредственно у самого родника. Заодно и сам помылся. Развесив белье под трейлером, я переключил внимание на автомобильный аккумулятор.

Подсоединив к нему генератор, я начал усилием воли крутить скрытый внутри него вал, с удовольствием наблюдая исходящую от него пульсацию света, что вспыхивала особенно сильно каждый раз, когда я надбавлял скорости вращения ротора. Но аккумулятор наливался светом очень и очень медленно. Я уже давно взялся за другие дела, задней мыслью продолжая безостановочно вращать генератор. Только спустя несколько долгих часов электролит в аккумуляторе закипел. Подключив его к блоку предохранителей, я щелкнул рубильник, и множество лампочек залили салон теплым, жизнерадостным светом. Колыхающееся на ветру белье к тому времени уже высохло – его я расстелил, разделся и с наслаждением плюхнулся на матрац. Вокруг царило благостное молчание, что нарушалась разве что перешептыванием деревьев. Все-таки чего-то не хватало.

Поковырившись с инвертором, мне удалось завести магнитофон. Тишину прорезал протяжный, переливающийся вой гитариста и тут же заиграли энергичные и заставляющие кипеть кровь гитарные риффы. Песня была смутно знакомой и напомнила мне школьные годы. Мое лицо само по себе расплывалось в широченной улыбке. Чего уж скрывать, раз речь зашла о

школе. С самого детства я мечтал о собственном уютном домике на дереве. И кто бы мог подумать, что давно забытая греза замкнутого подростка однажды с помпой воплотится в жизнь?

Глава 33. Саамка

В последнем усилии крикнув, я сделал финальный шаг, взойдя на вершину горного хребта. С исцарапанных плеч слетел огромный валун. Тяжело бухнувшись, он с грохотом покати́лся обратно к изножью. В висках стучала кровь. Проведя ладонью по заросшему лицу, я с некоторой досадой отметил, что пот так и не выступил. А мышцы даже не горели. Хотя я взбирался за сегодня уже в четвертый раз, да и высота довольно-таки крутого склона казалась не менее двухсот метров. Всего один шаг здесь с такой глыбой на плечах уже мог смело приравняться к силовому рекорду среднестатистического спортсмена. А я хожу так уже второй час. И далеко не первый день. И все, чего пока удалось добиться – это тягостная отдышка, что спустя минуту уже не давала о себе знать.

Я взглянул на свои руки. За эти три недели они стали смуглее, заметно уплотнились. Но общая худоба пока никуда не делась. К сожалению, с некоторых пор было не так то просто изолировать работу мышц от вспомогательной поддержки моего так называемого экзоскелета. Всегда на шаг предугадывая точку приложения усилия, он перенимал на себя более чем всю нагрузку, хотел я этого или нет. Но справедливости ради стоило заметить, что мозгу самому по себе, лишенному подстрекательных напутствий моего сознания, при любом раскладе выгоднее было нагрузки все же избегать, а если уж она и была неизбежна – справляться с ней самым эффективным способом, что только найдется. А в моем случае он был и по своему коэффициенту полезного действия он безмерно превосходил привычный, опорно-двигательный.

Мозг абсолютно не волновала моя внешность, и он явно не разделял моего варварского намерения разрушать и вводить организм в состояние физического стресса, дабы тот воспринял это как данность и предпринял попытку подрасти, чтобы впредь спокойнее переносить все тяжды насильственного существования. И не какие-то там глупые скручивания для пресса или бесполезные сгибания рук с гантелями, а обширные и глобальные разрушения, насилие сразу над всем телом путем тех же приседаний с дичайшим весом.

Мышцы не растут сами по себе от повреждений. Они заживают, равно как и вся остальная поврежденная на теле ткань, как те же царапины на коже. Это относилось и к временной гипертрофии, что как выпуклая корка на ране – пока ее расчесываешь, время от времени будет появляться вновь. Мышцы росли исключительно от гормональных сбоев, которые мозг, рехнувшись от ежедневной катастрофы, начнет спонсировать, бешено строча указы за указом на разрешение реноваций, срочную проектировку дополнительных пристроек и помещений для трудоустройства новых клеток мышц. Все силы и ресурсы на борьбу за выживание, именно так себе это представляет наш бедный мозг, что в обычном случае поспекуит, особенно если речь идет всего лишь о заморочках косметического плана. Наш мозг бережлив и прагматичен, как старый холостяк, которого больше волнует не выскочивший прыщ, а стоимость гигиенического мыла.

Поэтому такое вот самобичевание обычно было единственным, что могло заставить его отреагировать всерьез. Но если раньше это помогало, то сейчас я попросту не успевал ничего поднять, толкнуть, сдвинуть, как у меня, словно из рук малого ребенка, заботливо отбирали все намерения и делали все за меня. Конечно, отчасти можно было этому противиться, но все происходило столь молниеносно, что уследить за этим, равно как и удержать глаза открытыми во время чиха, было практически нельзя.

Но я не терял надежды. Тем более что в последнее время, в скрытом за утесом водоеме, где я блаженствовал после каждой своей тренировки, глядя в его чистую, зеркальную гладь мне уже не хотелось плевать на себя как раньше. Возможно, от всех этих экзекуций и мышцам что-то да перепадало. Возможно, еще месяц, быть может, два – и бывшая форма точно не заставит себя ждать.

Устало вздохнув, я поплелся к водоему. Если я не тренировался и не отлеживался в воде, то самозабвенно собирал грибы на поляне возле дома. Если меня не было на поляне, то меня можно было встретить на плантациях ежевики, где я лежал, щурясь от солнца, и лениво пережевывал летящие в рот ягоды. Если же меня не оказывалось и там, то, скорее всего, в этот день я громко слушал музыку у себя дома или крутил автомобильный генератор, попутно экспериментируя с блюдами из гречки, перловки и белых грибов.

А музыка, надо отдать должное, была прекрасной. Всю ее я знал со школьных лет. Она была самой силой. Напористой и нетерпеливой силой, что рвалась наружу. Она пробуждала во мне дурь и изнурительную жажду к подвигам. Да, мне определенно было бы что обсудить с прежним владельцем этих кассет. Должно быть, он был душевным собеседником. Каждый раз, задумываясь об этом, мне становилось все тоскливей. Хоть мне и не было на что жаловаться, я был вполне счастливым, здесь я всегда с удовольствием находил чем себя занять, но по простому человеческому общению все же успел соскучиться. Я часто вспоминал своего друга. И даже своего вероломного и неразговорчивого соседа. Интересно все же, чем там все закончилось...

Мое сердце сжималось каждый раз, когда вспоминал своего оставленного кота. Что с ним? Жив ли он? Как с ним обращаются? Я не мог позволить себе это узнать, не рискнув при этом собственными мозгами. Обратно в общество соваться пока рано. На какой-то момент я вообще забывал причину, по которой я вынужден здесь жить. Это место стало настоящим домом. И оно уже не воспринималось как нечто временное, альтернативное.

Откровенно говоря, **здесь** было даже лучше, чем **там**. Здесь можно было позволить себе не слышать всякую чушь, куда бы ни подался, не участвовать, не быть свидетелем, не быть предметом восприятия, не быть подверженным внутри чьих-то извилин диким предрассудкам. Никакого шума, грязи, бессмысленной толкотни. Лес не требовал от меня соответствующего дресс-кода, никто не приписывал мне административный штраф за nepотребный вид. Никто не сигнализировал, требуя уступить тропинку. Не приходилось ни с кем делить... **Делить**. Вот это слово здесь точно было неуместным. Оно было родственником слова **общий**, а это уже в свою очередь подозрительно напоминало термин **общественность**. А ее тут по умолчанию не могло быть. И, быть может, только поэтому, невзирая на все мои лишения, я чувствовал себя так, будто щедро вознагражден.

Хотя не так давно, возвращаясь с ягодной плантации, я чуть не наткнулся на людей. Что, впрочем, не удивительно, так как плантации все же должны быть чьей-то собственностью, тем более что я и раньше слышал про саамские племена, обитающие на этих землях. Светловолосые люди в странных красно-синих нарядах и такого же цвета тубетейках. Таких я раньше видел только на фотографиях в интернете. Видимо, это был какой-то традиционный наряд. Мне они показались мирными и никуда не спешащими. Их было столь мало, что я вскоре выкинул эту историю из головы. Вряд ли на меня тут кто-нибудь наткнется. Но именно это в один из вечеров как раз таки и произошло.

* * *

Это было на закате. Я зачарованно наблюдал за тем, как на сковороде плавится сахар, превращаясь в огненно-темную жижу до одури сладкую на вкус, как вдруг в разбитое окно влетело нечто несуразное. Хлопая черными, как экваториальная ночь, кожистыми крыльями, по салону металась летучая мышь. Врезавшись в розовые занавески, она вцепилась в них и зависла. Мордашкой она напоминала заросшую мехом готическую свинью с непомерно огромными ушами. Подслеповатые глазки таращились куда-то в пустоту.

Я тогда осторожно протянул палец, чтобы погладить между ушей, но она истерично взмыла в воздух и снова принялась метаться по салону. Летала она рывками, тяжело отталкиваясь от воздуха, будто для нее это дело было непривычным.

А ведь это единственное млекопитающее, которому дано летать, – размышлял я, глядя на выписываемые ей зигзаги. Впрочем, не единственное. Мои губы тронула ухмылка. Что-то у нас с этим кожаном было общее.

Да и если так подумать не только это. Во-первых, что ему, что мне был дарован крайне сложный в пользовании орган восприятия. Во-вторых, мы оба предпочитали тьму свету. И наконец, в-третьих, ведь именно эти существа однажды натолкнули какого-то сказочника на мысль о вампирах, что пили у людей кровь и тем самым черпали из них жизненную силу. Отличало меня от вампиров лишь то, что черпал ее я не только из людей и не столь поэтичным методом, как укусы в шею.

В алиеноцептивном спектре я различал тончайшие пучки света, исходящие от пасти летучей мыши – настоящие лазеры, настолько те были интенсивны. Я догадался, что это ультразвук – ее основной инструмент для ориентации в пространстве. Звук эхом отражался от препятствия, что моментально улавливалось ее огромными ушами. Когда она снова начала порхать под потолком, я попробовал исказить ее неразличимый писк, и она тут же словно провалилась в воздушную яму.

Хохотнув, я стал искусственно отражать ультразвук по бокам от ее мордашки, и тотчас она, словно радиоуправляемый самолет, полетела строго в прямом направлении. Своевременно рисуя в воздухе ложные препятствия, которые она якобы облетала, а также быстро рассеивая ее писк на пути к таким в действительности имеющимся, я ей диктовал маршрут. Это напоминало компьютерную игру в гонки, только в этот раз я управлял не машинкой, что уворачивалась на большой скорости от преград, а самими преградами, которые должны были успевать выстроиться в правильном порядке, не уступая при этом в скорости машинки.

Неуверенно помотыляв по салону, она врезалась мне в грудь и упала в мягко подставленные ладони. На ощупь была как теплая плюшевая игрушка. Ржавого цвета шерстка, а крылья как черное элегантное пальто, в которое она начала боязливо укутываться. Пасть начала разеваться, а из нее донеслось колющее слух попискивание. Да, красавицей ее не назовешь. Кстати, а что насчет половой принадлежности...

Перевернув мышь брюшком кверху, я убедился, что это самец. Налив родниковой воды в крышку от банки, я посадил его рядом с ней. Тот опустил морду в импровизированную миску, а затем медленно запрокинул голову вверх. С подбородка сочилась вода. Он оскалился и стал остервенело жевать попадающие в рот капли. Я рассмеялся.

Тот вечер я продолжил экспериментировать с его восприятием, время от времени подкармливая заботливо выловленными комарами и мошками, что бессильно мельтешили вокруг меня, не в силах пробиться сквозь завесу моего неприветливого личного пространства. С тех пор этот кожан каждую ночь навевался ко мне в трейлер, и коротать бессонницу стало намного веселее.

* * *

Но время шло и все понемногу приедалось. Крупы давно закончились, и приходилось довольствоваться одними лишь грибами, да ягодами. Страстно хотелось сварганить себе глазунью, и я даже заприметил гнездо тетерева, но пронаблюдав, как птица воркует над своими яйцами, я пожалел ее и ушел ни с чем. Песни успели поднадоесть. Их я слышал, но уже не слушал. Гитарист все так же надрывал голос и самоотверженно измочаливал подушечки пальцев о струны, распугивая здешних птиц и хандру, что тихо просачивалась в оконные щели, но того

внутреннего трепета, как раньше, он уже не вызывал. Да и аккумулятор постепенно портился и с каждым разом разряжался все быстрее, а заряжался медленнее.

И что особенно было досадным, так это абсолютно не меняющаяся мускулатура. Я уже и с вековой сосной на плечах бегал и запрыгивал с ней на каменные уступы, бесконечно поднимал над головой внушительный валун, но... не менялось ровно ничего. Обмануть мозг было нельзя. Экзоскелет активировался от одной лишь мысли о предстоящей нагрузке. Все эти тренировки не дали мне того, что я хотел. Но зато они мне дали нечто куда лучшее. То, до чего бы я никогда не додумался самостоятельно.

В один знойный день, когда я толкал в гору обломок скалы и отчаянно подумывал уже все это дело бросить, у меня случайно подвернулась лодыжка. Секунды потерянного равновесия хватило, чтобы обломок выскользнул из рук и покатился обратно к изножью. От злости я его вдогонку пнул, от чего тот слегка подскочил и покатился быстрее. Злость как рукой сняло, взамен меня охватила боль в пальцах ноги и предчувствие некоего важного открытия. Сев тогда на гальку, я ужасно сосредоточился и размышлял.

Настоящая сила мышц крылась вовсе не в их размере и даже не в их тренированности или генах. Она полностью зависела от мощности сократительного сигнала мозга. Сейчас мои естественные усилия мышц преумножались управлением материи, из которой они состояли, как бы вдогонку, равно как и этот камень, инерцию которого я усилил мощным пинком. А что если по тому же принципу усиливать не мышцу, к которой поступает сигнал, а... сам сигнал? Мой мозг управлял всей материей, включая ту, из которой состоял сам. А значит, он вполне мог стимулировать самого себя...

Конечно, на пути к скелетной мускулатуре всегда стоял своеобразный резистор, целью которого было предотвращение отрыва сухожилий от костей путем поглощения избыточной мощности сигнала. У тренирующихся людей пороговое значение резистора со временем ослабевало в связи с тем, что связки неизбежно крепили. Хотя и мышцы за все это время внешне могли и не меняться, его силовые возможности все же росли.

Ведь в приоритете мозга прежде всего была сохранность опорно-двигательного аппарата, за исключением моментов, когда на кону стояла жизнь. Когда самые обычные люди демонстрировали чудеса силы и выносливости, в связи с тем, что функция резистора отходила на второй план. Или она отходила на второй план из-за сбоя в нервной системе, в момент припадков или того же столбняка, когда больным сводило спину так, что они ее себе ломали или их зубы крошились от ужасно стиснутых челюстей.

При таком раскладе усиливать сократительный сигнал казалось бесполезным – мои биологические резисторы все излишки попросту поглотят. Однако это не должно было распространяться на материю, которая мне не принадлежала. Между нами отсутствовал сдерживающий барьер. Возможно, я и ошибался, тем более у меня пока даже не было представлений о том, с какого конца преумножить этот сигнал. Но казалось глупым хотя бы просто не попробовать это проверить.

И проверить это нужно было обязательно на чем-нибудь в обычном случае неподъемном. Вспомнив окрестности, я тогда встал и побежал к отвесному скалистому обрыву. Там был массивный выступ, что несокрушимо нависал над пыльной низиной. В его тени можно было прятаться от солнца весь день, настолько тот был огромным. Цельная порода, которую могло обрушить разве что время. А чтобы оценить его размер взглядом, стоя снизу, приходилось отклонять голову назад. Да-а, это уже не пластиково-алюминиевый трейлер...

Значит, моторная кора индуцировала заряд, что спускался вниз по пирамидной системе в спинной мозг, а далее приводил тело в движение. Мое загадочное новообразование, лежащее в той же моторной коре, генерировало разряды почти ежесекундно, подстраивая под меня погоду и защищая от надоедливой мошкары, но этот сигнал вел себя подобно вспышке – он не бежал строго по выстроенным сетям нейронов, он светом озарял весь мозг, а дальше исчезал за

пределами черепной коробки. Однако в обоих случаях этому предшествовала деполяризация нейронов, что лежали в основе как моторной коры, так и моего новообразования. Но далеко не все нейроны подвергались деполяризации. Все зависело от величины силового запроса. А уж он то, пройдя через сдерживающие фильтры, как раз и определял количество задействованных сетей. И фильтры никогда не позволили бы задействовать их все до единой, во избежание катастрофы. Но сейчас я имел прямой доступ. Надо своевременно успеть выжать весь электрический потенциал моторной коры в момент, когда новообразование сфокусируется на конкретной цели. Ох и сложно же будет подгадать момент...

Встав подальше от обрыва, я впился взглядом в выступ. Прочувствовал все его величие, его темперамент, скрытые от глаз слабости и предпочтения. Он стал частью меня. Тяжелой, неподвижной и атрофированной, но все же частью. Я изготовился его содрогнуть. Расставил ноги чуть поудобнее, вознес руки к небу, сосредоточился на движении, что должно было вовремя сопровождаться сильнейшим скачком электричества в моих мозгах и... Какой-то острый камешек кольнул мне в ступню...

В глазах полыхнуло болью. Я осел на землю и с немым криком вцепился руками в свою ступню. Ее ужасно свело, мышцы в ней дрожали, грозясь порваться. Нельзя, нельзя ни на что в этот момент отвлекаться!.. Еле утихомирив боль, я неловко встал и начал снова сосредотачиваться, но в этот раз уже максимально абстрагировавшись от всего, что не входило в фокус моего намерения.

Горный выступ дал мне молчаливое согласие. Изготовка... Разряд!

Внутри камня будто взорвалась граната. Его прилегающую к обрыву часть разорвало, и небо затмило облаком пыли и крупных осколков. На землю посыпался град из увесистых булыжников. Сам же выступ, разваливаясь на куски прямо в воздухе, лавинообразно стал обрушиваться вниз.

От неожиданности я заметался на месте, нелепо прикрывая голову руками. Рядом со мной взрхляли землю падающие снаряды, а со стороны склона шла настоящая лавина из скрежещущих камней. Опомившись, я изо всех сил прыгнул в сторону речки. От испуга, сила прыжка вышла просто колоссальной.

Я перелетел всю речку и грохнулся о склон, что нависал над ней. Отсюда обрушившийся выступ был как на ладони. Саму же стену обрыва прорезала ветвистая, как удар молнии, трещина. С ошалевшим лицом я еще долго смотрел на затихающий на соседнем берегу обвал. Наверное, именно так я тогда разнес ночной клуб...

* * *

В тот день я продолжал исследовать этот синергетический эффект уже на объектах помельче. Деполяризация всей моторной коры, как выяснилось, несла абсолютно разрушительные последствия не только для того, чем управлял, но и для самого мозга. С каждым новым разом я стал отчетливее чувствовать сразу после разряда необъяснимую слабость в теле. Как бы сами по себе мышцы были в порядке, полные сил, но они неохотнее выслушивали команды и теряли прежнюю организованность в выполнении таких простых задач, как, например, удерживать меня в положении стоя. Колени могли неожиданно подогнуться, а мелкая моторика пальцев рук вовсе становилась неуклюжей, как у больного церебральным параличом.

Но к счастью это в считанные минуты проходило. И если я использовал щадящие разряды, в полсилы, то такие побочные эффекты практически не давали о себе знать.

Я учился выстреливать сигналом плавно и даже бесперебойной очередью, когда того требовала стабилизация в воздухе слишком широкого объекта. Удержание внимания на намерении и на собственных мозгах, в которых это самое намерение формировалось одновременно, было необычайно сложной и легко выводящей из себя задачей. Это напряжение каждый раз

было сродни тому, что испытываешь в момент решения какого-нибудь логического парадокса, что требовал свести начало и конец. Но постепенно я приравнивался к этому умению.

Незаметно подкрадывался вечер. Источающийся шлейф от материи кренился в небо. Последнее время я ориентировался по нему, как по наручным часам. Ночью эта призрачная стрелка тянулась на запад. В полдень – на восток. На рассвете она уходила прямо в землю, а на закате подпирала темнеющий небесный свод. Мое влияние на нее не распространялось, равно как и на солнечный свет, однако с ним у нее не было ничего общего. Ее я воспринимал исключительно алиеноцептивно. И то, только когда по-особому наострюсь.

Усталый, но довольный, я брел к себе домой. Миновал ежевичные плантации, пересек огромную живописную поляну и, наконец, вторгся во мрачные владенья хвойного леса. Здесь всегда было так тихо и умиротворенно, как в гробнице. Здесь не было ни души. Столько раз я уже в этом убеждался, что последнее время к предостережениям алиеноцепции почти не прибегал. Я в целом от нее уже успел устать еще когда жил в городе.

Только поначалу, когда она только открывала передо мной новые, недоступные человеческому глазу миры, я мог часами не выходить из этого режима восприятия. Но время шло, все новое и непривычное приедалось. Я стал забывать, как выглядит игнорируемая мной реальность и, как следствие, страшно по ней изголодался. Мне больше не хотелось попусту отвлекаться от созидания здешних красот, тем более что повода для этого не было. Как и обществу, здесь не было ни малейшего повода и для паранойи.

Поэтому в этот раз у меня едва не встало сердце, когда я вел затуманенным взором по монументальным деревьям и случайно наткнулся взглядом на чью-то неподвижную фигуру. Традиционный сине-красный наряд, длинный подол. Светлые волосы, легковесно ниспадающие на правое плечо. Большие и застывшие голубые глаза, как у испуганной лани. Маленький, чуть приоткрытый алый рот. Девушка, очень молодая, она молча смотрела на меня широко распахнутыми глазами и не шевелилась.

Переборов оторопь, я отвернулся и дернулся было идти дальше. В голове проносились панические идеи о срочном переносе трейлера в самую глухую чащу, как можно подальше, а еще лучше в совсем другой лес. А что если она здесь не одна? Вдруг меня тогда все же видели на плантации... Или когда пролетал над ячменным полем... Что если они уже оцепили весь лес и ищут меня поодиночке? Они что-то знают?..

Я шел как ни в чем не бывало вперед, но сам искоса поглядывал на нее, внутри меня все скручивало. Но она не двинулась с места. Ошеломленная не меньше моего. Должно быть, увидеть меня она не ожидала. Я остановился и чуть более осмысленно уставился в ответ. Почему она не бежит или, на худой конец, не закричит? Выглядел я дико. Босой и грязный, в одних штанах, на лоб падали спутанные черные космы, а лицо заросло жидкой бородачкой. А она так разглядывала меня во все глаза, что я на какой-то момент даже смутился.

Незаметно для себя я подошел ближе. Глаза ощупывающе бегали по ней. Обычная девушка, ничем не выдающаяся фигура, простодушный взгляд, но... Что-то в ней было волнительно прекрасным... Может, этот откровенный интерес в голубых глазах или свежесть, которой дышала ее молодая кожа? Или эти сильные, густые и, в то же время, легкие, как перистые облачка, лучащиеся светом волосы, что не нуждались ни в какой укладке или красителях для порабощения мужских сердец? От нее сквозило чем-то заповедным... Тем, что общепризнанно нельзя трогать в виду того, что оно не способно ни решить, ни постоять за себя самостоятельно...

Лес дышал глубокой тишиной. Мягко, как изголовье кровати, поскрипывали сосны. Моя рука невольно, по-клептомански дотянулась до ее лица. Кожа еще щек была податливой, горячей. Скользящий по ней палец оставил за собой румяный след. Она немного отстранилась, ее взгляд робко сместился мне куда-то в ноги. Мне стало жарко, будто я шел через пустыню. Я забыл обо всем на свете. Про Айсберг, про общественность, про что угодно и даже про самого

себя. Я стал восприятием этого мига. Я весь превратился в действие. Бесповоротное и единственно верное.

Лихорадочно запустив руки под подол ее платья, я нетерпеливо сгреб ее под себя. Мою зачерстневшую, ошпаренную арктическими водами кожу буквально ожгло теплом и мягкостью ее округлых бедер. Я погрузился в нее как в колыбель – устало от всего мира и без оглядки. В моей груди клокотало как в жаровне, ужасно не хватало воздуха. Легкие затопило тягучим, как патока, сладостным ароматом ее локонов, в которых затерялось мое лицо. Этот момент был слишком невыносим, чтобы продолжаться вечность...

Абсолютно опустошенный, я быстро приходил в себя. Шею все слабее прогревало замедляющееся дыхание придавленной мной саамки. Никогда я еще не получал желаемого так быстро. Никогда. Меня переполнял жгучий стыд. Резво вскочив, я заправил штаны и, ни разу не оглянувшись, унесся в свое логово на дереве. Я очень жалел, что моим способностям не было подвластно время, которое я сейчас мечтал повернуть вспять. Что же я натворил...

Глава 34. Абсолютное оружие

Я всегда боялся любой ответственности. Избегал. Просто я был слишком ответственным человеком, чтобы ее на себя брать – ведь мне доподлинно была известна цена ее исполнения. А как же я ненавидел чужие ожидания – неистовые и ничем не неподкрепленные, которые одно время так любили взваливать на мои плечи родственники, однокурсники и вообще все кому не лень... Да даже от одних лишь предположений о направленных на меня ожиданиях посторонних людей уже становилось неуютно. Конечности и язык сковывало от чужих представлений о том, каким я перед ними должен быть...

Чего уж говорить о произошедшем с незнакомкой, для которой, готов поспорить, подобный исход оказался настоящей неожиданностью. Неожиданностью вдвойне, так как сразу после случившегося я исчез из виду. Ведь я не хотел, чтобы она ждала от меня чего-то дальше. Но бегство не освобождало от ответственности. Ответственность не оставалась там лежать, брошенная. Она следовала за мною по пятам, с укоризной глядя навстречу моим мыслям. Я был в ответе за эту девушку.

Кто знает, быть может, ее народ традиционно такое не приемлет и для них она теперь опороченная... А вдруг у нее была помолвка с ранних лет? Что если из-за меня она теперь не найдет себе места под солнцем? В ответе за это буду только я и моя проклятая минутная слабость.

Эти мысли ежесекундно терзали меня, и я пытался себя отвлечь приглушенно играющим магнитофоном. Переезжать я не стал. Послonyaвшись по лесу несколько дней, я убедился, что охоту на озабоченного отшельника никто не объявил. Девушка исчезла, от нее остался только развороченный ковер из опавших сосновых иголок. Постепенно я успокаивал себя мыслью, что все забылось, а молодая саамка осталась цела и невредима, и вообще у нее хватило робости запереть то происшествие в сокровенных покоях своей души. Как будто ничего и не было. Дышать становилось легче.

Вскоре я продолжил свои вылазки в близлежащие окрестности, тренировки мозга возобновились. Синергетический эффект воздействия на моторную кору стал сглаженным – его я отточил до такого автоматизма, что уже сходу мог заставить дрожать небольшое взгорье.

Вместе с этой практикой я неизбежно заинтересовался и соседними участками своего мозга. Ковыряние в собственном сером веществе действительно нагоняло жуть. Раньше даже от одной мысли об этом можно было поперхнуться, но сейчас я бесстрашно ощупывал вниманием все эти бугры и извилины, а на одном участке даже надолго залип, отслеживая раз за разом странную, рекурсивную закономерность накатывающего внутри меня удивления точь-в-точь в момент, когда вспыхивал этот самый участок.

Также мне показался любопытным перешеек между полушариями. Кажется, его называли веретенообразной извилиной, и он отвечал за распознавание человеческих лиц. И не только... Именно благодаря нему нам чудились лица в облаках, жуткие гримасы в темной листве и неявные улыбки в россыпи горных пород. Мощный инструмент для опознания себе подобных. Его я на свой страх и риск решил изолировать.

Каково же было мое удивление, когда на обложке кассет среди пестрых и сочных красок я не смог вычленить взглядом лицо самого певца. Я узнавал детали одежды, широкий воротник, волосатую грудь, гитарный ремень... Стало быть, выше находилась голова, и я различал ее черты, видел крючковатый нос, угадывал большой, выпяченный подбородок... Но мне не удавалось свести это воедино. Будто я смотрел на узоры, а мне предлагали изобличить запряженный в них портрет. Но тщетно.

Вспомнив про сверток газеты в шкафчике, я ее достал, нетерпеливо расправил, пролистал и опять-таки не увидел нигде лиц. Но они определенно должны быть! Я видел прямо-

угольники фотографий, что играли черно-белыми цветами, узнавал геометрические очертания ландшафтов, зданий, одетых и сидящих фигур, но все были безликими. Абсолютно незаметными, пока случайно не наткнешься и не узнаешь какую-нибудь деталь, подозрительно свойственную человеку. А ведь в сломанной душевой трейлера, кажется, было зеркало...

Еле сдерживая волнение, я метнулся туда, наскоро протер стекло ладонью и стал вглядываться.

То, что я видел, не было ни на что похоже...

Нечто отдаленно напоминающее бровь шевельнулось. Я дернулся от неожиданности...

Я не думал, что это... будет моим лицом?! Раз здесь бровь, значит тут... Зеленые пятнышки задвигались в такт моему бегущему взгляду. От изумления у меня глупо приоткрылся рот. По-крайней мере, как бы со стороны я допускал, что выгляжу сейчас глупо, но в зеркале лишь заиграла новая краска, новые очертания чего-то, явно походившего на рот.

Отшагнув назад, я попытался сфокусироваться на своем лице, но... Я был частью пейзажа, отраженного за моей спиной в окне. Не было в этой картине чего-то выделяющегося или фонового. Все было единым целым. Наверное, так меня привыкли видеть со стороны все... Кто не был человеком.

Потрясенный до глубины души, я возобновил работу веретенообразной извилины. И в зеркале тотчас проявилась персона. Центр изображения. Я себя узнал.

Хоть и самоидентификация вернулась наряду с узнаванием других, меня все равно не покидало странное чувство, как если бы краешком глаза я взглянул на суть. Некую обескураживающую правду. Для материи было все едино. Некоторое время я еще подавленно сидел на своем матрасе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.